

Олег АЛИФАНОВ

ПЕРВЫЙ ШЕКСПИР — ШЕКСПИР, ВТОРОЙ — РАБЛЕ, А ТРЕТЬЕМУ НЕ БЫВАТЬ

С начала XVIII века, став Великобританией, Англия вошла в яростный столетний конфликт с Францией, завершившийся безоговорочной победой к концу наполеоновских войн.

Однако...

К середине XIX века, после трех французских революций Британия обескураженно обнаруживала во всем цивилизованном мире полное культурное превосходство давно побежденного врага.

Нельзя сказать, что значения культуры в Англии не понимали. Понимали еще как, но сделать могли немного.

Шекспир — то немного, что имеет смысл рассмотреть.

Совершенно неважно, кто написал Шекспира. И в опрос в духе *to be or not to be* не стоит. Быть ему или не быть, и если быть, то написал ли то, что ему приписывают — не тема.

Тема — откуда вообще в мировой культуре взялся его культ?

И тема эта не праздная, ведь другого примера, когда забытый периферийный средневековый культуртрегер занял бы такое высокое место поклонения, нет. Скажут, что в самой Англии его помнили еще как, ведь...

...канон такой: В 1623 году было издано Первое фолио (то есть актеры якобы сложили некое собрание сочинений некоего мэтра), и издали его в Англии. Потом на протяжении XVII века вышли еще три издания (туда вообще включали что попало). Это если рассматривать под лупой, потому что, несмотря на все это издательское Би-би-си, в конце XVII века театр в Англии был театром вполне себе французским, а Европе Шекспир был *совершенно* неизвестен.

А на самом деле?

Интересно, что корпус писаний о театре эпохи английского Возрождения зашкаливает, столь же огромно количество исследований театра эпохи Просвещения, а вот эпоха Реставрации подкачала — а почему? Не потому ли, что документов сохранилось слишком много и в них Шекспира нет, а есть сплошные французские постановки — французский стиль, французская форма? Были и английские исключения, но опять-таки без Шекспира. Карл же Второй вообще предпочитал... французское, английское тоже допускалось, но офрануженное. В конце XVII века уже выходили газеты, но об

Олег Владимирович Алифанов родился в 1967 году в Москве. В 1992 году окончил Московский инженерно-физический институт. С середины 1990-х публиковал в различных, в том числе «толстых», журналах и литературных сборниках статьи и эссе.

английском театре того времени исследователи стараются не писать. Фантазировать о веках доисторических — интересно, а опровергнуть фантазии трудно: нет документов. Там фонтанируют прекрасные королевы и их гениальные шуты. А писать о временах известных скучно, так как там все обыденно и логично: Франция, Расин, теории драмы... Одно и то же.

Сами англичане объясняют драматический упадок национального театра вывертами пуритан-республиканцев: Кромвель-де запретил жить не только королю, но и другим актерам. Но ведь запрет на театры действовал 18 лет, а фактически и меньше, так куда же делось все пышное великолепие плохо задокументированного XVI века? От Шекспира не осталось ни клочка рукописи, только расписки, зато написано (о 80 псевдошекспирах) тонны макулатуры. Интересно, как этим фактом пользуются шекспироманы. Они утверждают, что другие славные елизаветинцы: Джон Уэбстер, Роберт Грин, Кристофер Марло, Томас Кид, Джордж Чапмен и проч. — не оставили по себе рукописного следа. Логика фантастическая: раз ничьих рукописей нет, разве можно сомневаться в подлинности Шекспира и вообще Великолепного века? Но, к слову, странно, очень странно, что рукописей нет, их должно быть довольно много. Ведь от 800 печатных экземпляров Первого фолио, а это 1623 год, осталось 233, это целых 30 %, и они продолжают всплывать. Сохранились и другие рукописные артефакты: метрики, договоры, судебные иски и т. п. А огромный массив более ценных рукописей исчез — под ноль!

Конечно, переделки (и пресерьезные) шекспировских пьес ставили не так уж редко. Но тут главное слово — *переделки*. Известно, что шекспировские пьесы и сами по себе являются переделками более ранних итальянских, так что тут как у другого раздутаго английского феномена: человек не произошел от обезьяны, но у них был общий предок. У переделок самого Шекспира и переделок, игравшихся на европейских подмостках, был общий предок-итальянец, например, Банделло, но кто знает Банделло, кому какое дело до Порто? Во всяком случае, если кто-то и использовал шекспировские фолио в качестве основы, то обращались с пьесами более чем вольно. Шекспира за эталон не считали до второй половины XVIII века. «Гениальных» пьес не воспроизводили в точности даже сюжетно. Да и текстового канона никакого не существовало.

В действительности Шекспир культурно ничтожен. (Чтобы никого не обидеть, добавлю: на тот момент.)

Скажут, тому причиной государственное превосходство Франции, топтавшей лучшие ростки заморской мысли. И, мол, когда французский «железный занавес» наконец рухнул, все увидели, насколько гений *более раннего и островного* Шекспира превосходит сборную Францию, всех этих плавно вытекающих друг из друга Корнелей, Расинов, Мольеров, Вольтеров, Бомарше и пр. и пр. И один в поле воин. (Как в кино, где режиссер-лузер берется за Вильяма нашего Шекспира: «когда народный театр вытеснит... наконец... театр профессиональный...») Нет, — заорут, — не один, вокруг Шекспира было множество елизаветинских драматургов, — тут же начнут перечислять весь легион, начав с Марло. Допустим. Но повторю вопрос: а куда все великолепие делось? То есть такой шикарный фундамент, а построен бассейн «Москва». Why? Why do you cry, Willy?

Итак, в Англии, получается, благополучно забыли о своем Шекспире на сто лет, когда вдруг экземпляр Первого фолио приобрела Кембриджская библиотека (а Оксфордская в свое время поспешила продать свой экземпляр Первого, когда вышло Третье — Шекспир явно не тянул на ценность, книжку поменяли на более новую, только-то). И в то же время за дело популяризации взялся поэт и переводчик Александр Поуп (раньше писали Поп). Он изваял собрание сочинений Шекспира к 1725 году и в соответствии с фамилией (своей) назвал Шекспира «божественным». Лишне говорить, что в Европе и об этом тоже ничего не узнали. Обидно, если учесть, что уже во-

всю Великобританию бьется с Францией почти на равных. Почти везде. Почти побеждает. Но культурный Ла-Манш по-прежнему шириной с лунную орбиту. Преодолеть его оказалось труднее всего. Культурный мир — он французский. И будет французским, пока полтора года спустя не выяснится, что проще развинтить мир и собрать заново, уже напичканным предтеченскими часосерами.

Уже Поуп выяснил, что Шекспир вовсе не так хорош. У высококультурного поэта вызывало идиосинкразию низкое качество многих текстов. Тогда он попросту объявил не шекспировскими тысячи строк — чрезмерно плохих для национального гения: около полутора тысяч отправил в сноски, часть выбросил насовсем. Оставшееся было постулировано гениальным. Это тут же спровоцировало едкую критику Теобальда и долгую, как парламент, перебранку. Вообще, история «причесывания» Шекспира под гения тянулась лет двести и (почти) закончилась только в середине XIX века с утверждением современных языков и литературных вкусов.

Двухсотлетие Шекспира в Англии национальные фанаты уже почти успели отметить (опоздали на пять лет всего), но Европа по-прежнему безучастна и едва видит гения в упор. (Актер Гаррик, устроивший чествование, поставил к празднику «Отелло», ну, то есть улучшенную им самим версию.) Англичане продвигают сборники произведений недавно (вновь) обретенного мастера на континент, они попадают к двум тогдашним авторитетам ведущих культурных пространств: Вольтеру и Гёте. Штурмер отдался английскому мастеру с первых строк, а ехидный Вольтер писал: «У него был яркий и мощный, истинный и высокий талант, но не было ни малейшего проблеска хорошего вкуса и ни малейшего знания правил». «Вышло уже два тома этого Шекспира, которые можно принять за собрание пьес для ярмарочного театра, написанных двести лет назад... В довершение бедствия и ужаса я сам когда-то первым заговорил о Шекспире, я первым показал французам несколько жемчужин, которые нашел в его огромной навозной куче. Я не ожидал, что это когда-нибудь позволит попирать ногами лавровые венки Расина и Корнеля и вместо них увенчивать лаврами варварски грубого гистриона». (То есть народный театр вытеснил... наконец... театр профессиональный.) О «Гамлете»: «Это грубая и варварская пьеса, которой не потерпела бы самая низкая чернь Франции и Италии». Вольтер, конечно, все понимает об Италии как прародине и собственной культуры.

В том, что немцы (только они) хором вдруг начали превозносить Шекспира, нет ничего загадочного. Собственные пьесы у немцев уже есть, а драматургии нет. Нет и собственного театра. Все захламлено французским классицизмом. Люди буквально прозрели: «Первая же страница Шекспира, которую я прочитал, покорила меня на всю жизнь, а одолев первую его вещь, я стоял как слепорожденный, которому чудотворная рука вдруг даровала зрение!» (Гёте) Это фраза хорошо иллюстрирует другую: «Весь мир — театр». Надо же! С первых строчек. С другой стороны, Гёте 17 лет. И задолбали французы.

А с третьей стороны, и это, конечно, главное — в Европе перевернулись альянсы: Пруссия победила Австрию в Силезии, в Семилетней войне Фридрих возглавляет германский поход за статус новой великой державы. Его союз с Англией отвращает многих немцев от утонченной, слишком утонченной Франции. Через наследный Ганновер, трясая огромным кошельком, Англия вливается и в германскую молодую культуру. А юный Гёте такой патриот. Долой Францию с ее единством места и действия, да здравствует Англия с игрой без правил. Именно во время войны Лессинг провозглашает Шекспира гением. Задолбали французы. А пруссаки совсем задолбали.

Немцы нахваливали Шекспира, пожалуй, больше англичан (нахваливали — и передуливали). Все-таки английская литература не стояла на месте. Немецкая же так и не смогла вылезти из штанов патриотического драгундштурма, а авторитет Гёте остался непререкаемым.

Интересно, что в России сам пропагандист Шекспира Поуп долго занимал место выше продвигавшегося им гения, раньше появились переводы (с французского, разумеется), «Опытом...» интересовался Шувалов, и первой книгой, изданной Ломоносовым в новой типографии Московского университета, были «письма Попиевы» (1757). Более ранний Сумароков же в полном соответствии с общей европейской традицией Шекспира не переводил, а написал свою пьесу по мотивам «Гамлета» (1748). Пользовался он тоже французским пересказом Пьера Антонина де Лапласа, хотя брал в Академической библиотеке Шекспира на английском¹. И в точном соответствии с французским его мнение о Шекспире было двояким. А Гамлет у него вышел деятельным и похожим на Рембо (что-то прогнило в датском королевстве, и принц Гамлет разгребает хлам). Я упоминаю Сумарокова лишь иллюстративно, и все параллели прошу считать совпадением, но только в 1780-е пьеса была переиздана шесть раз. Пьесу перестали на время играть с 1762 года, видя в ней намек на историю Петра III, но позже Павел I (сам Гамлет) восстановил ее в правах.

Вообще, до конца XVIII и даже до начала XIX века переделки Шекспира не считались моветоном, напротив, большинство из них считались более качественными интерпретациями расхожих сюжетов (в сущности, не шекспировских). Канон шекспировских текстов — вещь искусственная. Британское государство решило объявить эталонным некий набор текстов XVI—XVII веков, отредактированных и упорядоченных в веке XVIII. За это шла достаточно упорная борьба с самой природой — прогрессом европейских театров. Получилась нелепость: музыка, литература, драматургия развиваются, но в одном месте вдруг: стоп, машина, полный назад. Двойная нелепость обнаруживается при сравнении пьес мастера с итальянскими прототипами, получается, что Шекспир сумел улучшить их — сразу до некоего абсолютного идеала, который последователям превзойти не удается уже 400 лет. Так не бывает, но так есть. Ну и, конечно: «кому должен — прощаю». Куда без этого.

Сейчас забавно, что в XIX веке «открытие» забытого гения не воспринималось казусом. Тургенев в речи к 300-летию пишет об этом без смущения, как о норме. Но, в сущности, это и была норма². Начало XIX века отмечено множеством «открытий», приписанных еще более глубокой древности — историй Тита Ливия и Диодора Сицилийского, антологий Мелеагра и пр. — это был своего рода спорт для культурных аристократов, рыскавших по аббатствам и развалинам, сующим носы даже и в библиотеку серала. XIX век породил культурный феномен преемственности напрямую от «античности» к «возрождению» — без передаточного механизма. То есть был Леонардо, а до него — Витрувий — и никого посередине. Согласно этой логике, елизаветин-

¹ Этот факт упоминают как-то вскользь, я вот тоже помещаю в сноску. А почему, собственно? Вроде бы как-то неловко за человека. Говорят, Сумароков не знал английского. Или знал плохо. Или ему плохо перевели. В общем, непонятно, зачем он брал английский «оригинал». Большой был оригинал этот Сумароков. А на самом деле все понятно. Французская переделка была просто *лучше*. С нее и лепил. И это — нормально. Жизнь не стоит на месте. В самом деле, если в Англии нашли 80 кандидатов в Шекспире, значит, написать хауптверк мог чуть ли не кто угодно. Уж кому если не французам-то с их школой.

² Празднование провалилось. Его организатор, друг всех друзей — суетливый и бестолковый Анненков — автор термина «шекспиризм». Александр II, всю жизнь посвятивший борьбе с Англией и прекрасно понимавший, как в Европе разгуливали островную культуру, разрешения «общественности» на чествование «иноземца» в Императорском театре не дал, пришлось довольствоваться залом купеческого общества. Из текста Тургенева может создаться впечатление, что Шекспира в России любили безмерно (пьесы-де не сходили с репертуара), на деле же на литературный вечер (вместо торжества) собралось так мало фанатов, что эту часть «домашней заготовки» пришлось срочно редактировать. На «славе» Шекспира в России потом кто только не оттоптался. Сам Тургенев, большой шекспироман, на юбилей не поехал, речь зачитал Пекарский. Зато на открытие памятника Пушкину через 16 лет — ничего так, приехал. Пришло осознание?

цы практически вытекали из славного древнегреческого театра — с его недостатками в мотивах, запутанными сюжетами и богами из машин. А недоработкой англичан можно считать, что они не отправили Шекспира во времена Цезаря. А что? Единство места имеет место, единство действия тоже — оба героя потрясают копьем...

Бернард Шоу согласен с Толстым в его неприятии Шекспира как мыслителя и философа, а также нравственного авторитета, но оспаривает точку зрения на шекспироманию как результат работы агитатора Гёте (самого Гёте Толстой тоже не любил, делая исключение для «Фауста» и «Г & Д»). Шоу возражает, что трехсотлетний гипноз невозможен, «если нет, кроме этого, какой-то сильной заинтересованности, чтобы она жила». Тут неправда в оценке сроков: Шекспира безоговорочно почитали на тот момент около ста лет, но правда — в чьей-то заинтересованности. Итак, кто же заинтересован в шекспиромании столетиями? Очевидно, это государство, желающее утвердить и возвысить национальную культуру.

Ну, да что там эпоха конкуренции XVIII века! К середине XIX века культурное отставание Англии от Франции на фоне всемирного (театр «Globe») преимущества стало еще более явным. Именно в год всех европейских революций и возник революционный «шекспировский вопрос».

А для чего этот вопрос нужен? И кому он важен? Не все ли равно, кто написал то, что написано? Однако в процессе совершенно спекулятивной дискуссии (напомню, от XVI века документов осталось с гулькин нос) выяснилось, что в Англии эпохи Возрождения было около 80 гениев, способных написать ПСС. Куда там Франции, имевшей одного Агриппу, да и сто лет спустя — по пальцам перечесть.

Мало того, что стадо затоптало в общественном сознании истинных итальянских прародителей, так в итоге было неопровержимо доказано, что

в Англии *задолго до французов* написано много пьес и стихов;
написанное гениально и навсегда превосходит все последующее;
этот автор — самый изучаемый и известный;
Боже, храни королеву!³

Почему это английское гениальное не оказало никакого влияния на европейский литературный и драматургический прогресс (а французское оказало), умалчивается как находящееся за пределами гранд-исследования. Лишне говорить, что все пляски вокруг Шекспира поощряются британским государством щедро. Все. Особенно тверкинг с 80 Бэконами, ибо его больше посмотрят. Не поощряется лишь умолчание.

Недавно в крошечном французском городке нашли Первое фолио. Объяснили находку так: валялся огрызок без обложки, датирован XVIII веком. Сдули пыль. Ба! Позвали американского эксперта со скандинавской фамилией (важно, чтобы был не английский, а дважды нейтрал). Тот признал подлинность. Тут же отыскался библиотечный формуляр 1650 года, где аккуратно записано, кто и когда доставил книгу. Казалось бы, ну и что? Первых фолио в мире известно 233 штуки (из отпечатанных 800, то есть речь идет еще и о феноменальной сохранности). А то важно, что Шекспир, оказывается, проник во Францию за сто лет до гада Вольтера (это уже второе Первое фолио, обнаруженное во Франции, то есть, намекают, речь не о случайности, а о системе). Значит, подумает кто-нибудь, отныне шекспироманы имеют право раскапывать влияние Шекспира на плеяду французских драматургов XVII века. Так или нет, но тем,

³ Британия повсюду на постоянной основе занимается самой отъявленной пропагандой Шекспира, это прямая обязанность высших представителей. Посол Э. Брентон в статье «Шекспир — русский» писал (2007): «Шекспир, разумеется, не нуждается в пропаганде... Пропагандировать Шекспира столь же немисливо, как рекламировать солнечный свет». Варварам в грубой форме указывают на тяготение местных пушкиных к гению: все они обязаны вращаться вокруг Солнца-Шекспира. О том, что черная дыра поглотила старые итальянские звезды — ни слова. История культуры обязана начинаться в Англии.

кто полагал, что матч «Шекспир против сборной мира» миром проигран, но окончен и его пора забыть, как страшный сон в летнюю ночь, намекнули: второй тайм возможен.

К концу XIX века очумевшие от революций, войн и английских подножек французы слегка оправились, но было поздно: титан Шекспир покрывал все культурное пространство XVI—XVII веков, как бык овцу. Се ля ви, решили тихо французы и перевернули страницу истории назад. А там — во всей красе — Рабле. А вот Агриппе д'Обинье не повезло — он жил одновременно с Шекспиром, и делу культурного приоритета помочь не мог: не все его канонические тексты еще найдены и утверждены, зато утверждено, что не все они найдены, так что участочек застолбили на будущее (можете начинать искать или писать, но предупреждаю: Франция не так богата сейчас, как Англия раньше). Превознести его выше Шекспира (пока они как поэты на одном уровне) — задача для грядущего поколения исследователей от более сильного французского государства, нежели оно было в XX веке. Еще меньше повезло современникам Шекспира испанцам Сервантесу и Лопе де Вега. Культурное превосходство испанцев было велико, но оно ограничилось XVII веком, а на закате Короля-Солнца, когда англичане принялись делать вручную восход Солнца-Шекспира, звезда Испании клонилась к западу и подсветить своих уже не могла. Впрочем, и тут есть резерв: Вега — одна из ярчайших звезд, из двух тысяч (таков консенсус) его пьес известно всего около пятисот, так что при должном поиске могут найтись совершенно, совершенно непревзойденные, особенно если в доказательство совершенства вложить средства какого-нибудь будущего национального банка всей Латинской Америки. О вкусах не спорят. Но сто лет стрижки обычной травы неизменно обеспечат эталонный газон. Шекспира стригут триста.

Вопрос шекспировский довольно аккуратно обходит тему знакомства Шекспира с пьесами Лопе де Вега. Считается, что английский мастер не ведал ни о Веге, ни о его пьесах. Это странно, как если бы сейчас английский кинорежиссер ничего не знал о Голливуде. Дело в том, что Испания в XVI веке — мировой лидер, как сейчас США, с полным превосходством во всем — и в пушках, и в пьесах. И в дублонах. Испания тоннами ввозит золото из принадлежащей ей одной Америки, а у Англии в Америке нет ни единой колонии. Итак, Шекспир ничего не знал о главном культурно-историческом персонаже своего времени. При этом его театр претендовал на глобальность и назывался в правильном переводе «Шар Земной». Нам объясняют, что так актеры, владевшие «Шаром», подчеркивали, что играют пьесы обо всем на свете. И да, итальянских реплик там изрядно. А вот об Испании — ни слова! Но странно не это. Мало ли, объявился самобытный хлопчик в Стрэтфорде, начал шибко грамотный простолюдин писать аристократические штучки, разбогател так, что построил в складчину гигантский театр, а глобальность устремлений подчеркнул соответствующим названием. Бывает... Но вот что касается поздних исследователей творчества, то их поведение обескураживает. Как если бы советские пушкинисты отказались исследовать связи с Байроном, поэтом натовской страны. А ведь это напрашивается просто само собой: где Испания и где Англия. Вообще, Англия в то время в культурном значении в лучшем случае на четвертом месте, после Италии, Испании и Франции. И то — немцы (Священная Римская империя) имеют чем поспорить. Испания же еще — абсолютный мировой лидер. Но редкие попытки связать Лопе де Вега и Шекспира наталкиваются на стену канона а-ля Кулибин. А ведь, подчеркну еще раз, документов крайне мало. И логика подсказывает, что влияние обязано быть. То есть если документов нет, а логика есть, то надо за самоочевидную основу принимать наиболее вероятное и доказывать не наличие связей, а их отсутствие. Доказывали же, что Шекспир знал все обо всем: от юриспруденции и математики до рыбной ловли. Он вроде бы знал и все обо всех. Есть пять упоминаний диких русских. Но почему-то о величайшем драматурге-современнике из главной страны мира не знал. Adios.

То, что пьесы Шекспира (и елизаветинцев) без атрибуции, то есть сами по себе драматургически ничтожны, доказывает культурологическая судьба пьесы «История Карденио». Ее приписывают соавторству Шекспира и Флетчера. Штука в том, что сюжет взят не из какой-то безымянной итальянской постановки, а из вполне вражеского «Дон Кихота», изданного, к слову, в Англии в переводе Шелтона в 1612 году. Сама пьеса не сохранилась, но была включена в Регистр книгопечатников в 1653-м. В 1727 году ее поставил Теобальд под именем «Двойное вероломство». Мгновенно он получил отповедь от официально поставленного на дело Александра Поупа: тот по политическим мотивам (англо-испанская война 1727—1729) объявил пьесу подлогом. Ссориться с Суловым никто больше не хотел, пьесу с тех пор не ставили: кому интересен нераскрученный безымянный автор. Но в веке XXI ситуация перевернулась, и уже признается за почти доказанное (англичанин Брайан Хаммонд), что большую часть пьесы написал-таки Шекспир. Все же в единой Европе, где интернациональные морские узлы и четверная родня заменяют истину, изолированность парадной английской иконы выглядит экзотично. М-да, все бы хорошо. Но человек изучал пьесу 10 лет. Под микроскопом. То есть никакой самостоятельной драматургической ценности, выходит, пьеса Шекспира не представляет. А только с ярлыком.

На самом деле Шекспир — это тупик. Вокзал, который принимал составы только из Италии. Никуда оттуда не ездили. Но через 200 лет линию продлили, бронепоезда ринулись в Германию, Америку, Россию, в колонии. Морщась, принимали их и во Франции.

Но. Французов так просто не смахнешь со стола. Совсем не то — Рабле. Ему биографами предписано умереть еще до рождения Шекспира (и остальных 80 апокрифических мучеников за культуру), так что приоритет неоспорим. Благодаря тому, что документов об этой исторической эпохе не просто с гулькин нос, а с глнкнс, для исследователей разверзлись небеса с манной. Сами французы начали восхищаться своим Рабле в начале XIX века, когда Шекспир уже сиял в зените славы, но с началом «шекспировского вопроса» всем стало ясно: восхищения недостаточно. Надо превозносить. Одновременно сомневаться. Нужно спорить. Привлекать иностранцев. Пропагандировать.

Не торопясь изучив ошибки пожухлых шекспировских пиарщиков (нестыковки в биографии, подложные издания с фальшивыми датами, разрывы во влиянии на творчество предшественников и последователей и пр.), они решили избавиться от очевидной козмапрутковщины (рождение и смерть Шекспира приходятся на один день — день потрясающего копьём и словом св. Георгия) и действовать математически точно, сложив всю французскую литературу в аккуратный кубик Рабле. Было создано Общество изучения сабжа, почитатели его таланта довольно быстро обнаружили по всему миру, в том числе нашли их в отместку, конечно, и в Англии. Работа о Рабле сделала мировой знаменитостью, например, Бахтина.

Но предварительно изрядно натерпевшиеся от шекспирезады французы и итальянцы заглянули за английский горизонт и с ужасом обнаружили в совершенно баснословном XIV веке — Чосера. Того уже держали наизготовку (прыщ начал расчесывать все тот же идеолог шекспиризации Александр Поуп). ПСС и канон издал религиозный пропагандист крайне спекулятивного толка Уолтер Скит (WalterSkeat) в конце XIX — начале XX века. Но франко-итальянский альянс уже успел нанести превентивный удар: Чосера с иезуитским наслаждением «открывали» под фанфары подражателя продвинутым народам. Вроде пригласили в культурную компанию, а вроде — на правах европейской парии, приписав ему — сразу — и французский, и итальянский периоды творчества. А что он в этих странах делал-то? Да ШПИОНИ! (Знай наших!) Англичанам недвусмысленно (глядя прямо в глаза, фонтанируя 500-летними бумажками, скаля зубы) заявили: поглумились — и будет. Еще одному Шекспиру не бывать. Вуаля.